

Тень великого Гоголя Воспоминания фельдшера Зайцева

Предсмертная болезнь, сожжение рукописей и кончина Гоголя поныне остаются не осмысленными биографами до конца. Эти события для многих современников стали полной неожиданностью. Напомним факты. Гоголь жил в Москве в доме графа Александра Петровича Толстого на Никитском бульваре. Он занимал переднюю часть нижнего этажа: две комнаты окнами на улицу (покои графа располагались наверху).

В начале 1852 года Гоголь готовит к печати собрание своих сочинений. Никто в это время не замечал в нем никакой болезненности. За девять дней до масленицы, то есть 25 января, Гоголя посетил Осип Максимович Бодянский. Он застал его за столом, на котором были разложены бумаги и корректурные листы. Гоголь пригласил Бодянского на воскресенье (27 января) к Ольге Федоровне Кошелевой (жившей неподалеку, на Поварской) слушать малороссийские песни. Однако встреча не состоялась.

26 января умерла после непродолжительной болезни Екатерина Михайловна Хомякова, тридцати пяти лет от роду, оставив семерых детей, человек Гоголю близкий и дорогой. Она была женой Алексея Степановича Хомякова (Гоголь был крестным отцом их сына Николая) и сестрой одного из ближайших друзей Гоголя, поэта Николая Языкова. Смерть эта так тяжело отозвалась в душе Гоголя, что он не нашел в себе сил пойти на похороны. После первой панихиды он сказал Хомякову: "Все для меня кончено" [1, 870]. С этих пор мысль о смерти овладевает Гоголем. Он почти ежедневно бывает в церкви.

30 января Гоголь в своем приходе заказывает панихиду по Екатерине Михайловне. Дом графа Толстого относился к приходу церкви Преподобного Симеона Столпника, что на Поварской. После панихиды он заходит к сестрам Аксаковым, жившим в ту зиму на Арбате, в Николо-Песковском переулке, говорит, что ему стало легче. "Но страшна минута смерти", – добавляет он. "Почему же страшна? – возразил кто-то из Аксаковых. – Только бы быть уверену в милости Божией к страждущему человеку, и тогда отрадно думать о смерти". – "Ну, об этом надобно спросить тех, кто перешел через эту минуту", – ответил он [2, 220].

1 февраля, в пятницу, Гоголь – на обедне в своей приходской церкви (Родительская суббота мясопустной недели в том году приходилась на 2 февраля – праздник Сретения Господня, поэтому поминовение усопших было перенесено на пятницу). После обедни он снова заходит к Аксаковым, хвалит свой приход и священника (отца Алексея Соколова, впоследствии протопресвитера Храма Христа Спасителя). "Видно было, что он находился под впечатлением этой службы, – вспоминала Вера Сергеевна Аксакова, – мысли его были все обращены к тому миру" [2, 220].

3 февраля, в воскресенье, Гоголь опять на обедне в своем приходе, оттуда пешком идет к Аксаковым, снова хвалит священника и всю службу, жалуется

на усталость. "В его лице, – отмечала Вера Сергеевна, – точно было видно утомление, хотя и светлое, почти веселое выражение"[3, 167].

Гоголь еще занимается чтением корректур, но в начале масленицы в нем замечают нечто тревожное. В понедельник, 4 февраля, он сказал Степану Петровичу Шевыреву, что "некогда ему теперь заниматься корректурами". На вопрос о здоровье отвечал, что "дурно себя чувствовал и кстати решил попоститься и поговеть" [4, 440] (11 февраля начинался Великий Пост).

5 февраля Гоголь едет к своему духовнику, отцу Николаю Никольскому, в приходскую церковь Преподобного Саввы Освященного на Девичьем поле известить, что говеет, и с просьбой назначить день, когда можно приобщиться. Тот поначалу советовал дождаться первой недели поста, но потом согласился и назначил четверг, то есть ближайшую Божественную Литургию, так как в среду на масленой ее служить не положено.

Вечером того же дня Гоголь провожал на станцию железной дороги гостившего у графа Толстого ржевского священника Матфея Константиновского. С этих пор он прекратил всякие литературные занятия.

7 февраля рано поутру Гоголь едет в свою бывшую приходскую церковь, исповедуется и причащается там. Михаил Петрович Погодин со слов священника свидетельствует, что перед принятием Святых Даров, за обеднею, он пал ниц и много плакал. Был уже слаб и почти шатался. Вечером Гоголь снова возвращается в ту же церковь и просит священника отслужить благодарственный молебен, упрекая себя, что забыл исполнить это поутру. Из церкви он заехал к жившему по соседству Погодину, но пробыв несколько минут, уезжает.

Княжна Варвара Николаевна Репнина-Волконская вспоминала, что последний раз видела Гоголя в четверг на масленой, то есть 7 февраля. "Он был ясен, но сдержан, – рассказывает она, – и всеми своими мыслями обращен к смерти; глаза его блистали ярче, чем когда-либо, лицо было очень бледно. За эту зиму он очень похудел, но настроение духа его не заключало в себе ничего болезненного; напротив, оно было ясным, более постоянно, чем прежде. Мысль, что мы его скоро потеряем, была так далека от нас; а между тем тон, с каким он прощался, на этот раз показался нам необычайным, и мы между собою заметили это, не догадываясь о причине. Ее разъяснила нам его смерть" [5, 232].

В ночь с 8 на 9 февраля после продолжительной молитвы на коленях перед образом Гоголь уснул на диване без постели и во сне слышал некие голоса, говорившие ему, что он умрет. В тревоге он призвал приходского священника и хотел собороваться маслом, но когда тот пришел, Гоголь уже успокоился и решил отложить совершение таинства.

В Прощеное воскресенье, 10 февраля, Гоголь просит графа Толстого передать свои рукописи святителю Филарету, митрополиту Московскому, чтобы тот определил, что нужно печатать, а чего не следует. Граф не принял бумаг, опасаясь утвердить в нем мысль о смерти. С этого дня Гоголь перестал выезжать из дому.

В понедельник первой недели поста в доме графа (на верхней половине) служили Великое повечерие. Гоголь едва смог подняться наверх по ступеням,

однако отстоял всю службу. День он провел почти без пищи, ночь – в молитве со слезами. Граф Толстой, видя, как все это изнуряет Гоголя, прекратил у себя богослужения.

В ночь с 11 на 12 февраля, в третьем часу, Гоголь будит своего слугу Семена, велит ему растопить печь в кабинете и затем сжигает бумаги. Наутро он (по запискам доктора Тарасенкова) говорит графу Толстому: "Вот что я сделал! Хотел было сжечь некоторые вещи, давно на то приготовленные, а сжег все. Как лукавый силен, вот он до чего меня довел. А я было думал разослать на память друзьям по тетрадке: пусть бы делали, что хотели" [1, 854].

Физическое состояние Гоголя в эти дни резко ухудшается: очевидцы заметили в нем усталость, вялость и даже изнеможение – отчасти следствие обострения болезни, отчасти действие поста. Со слов графа Толстого известно, что Гоголь принимал пищу два раза в день: утром хлеб или просфору, которую запивал липовым чаем, вечером – кашницу, саго или чернослив. Но всего очень понемногу.

14 февраля, в четверг Гоголь, по свидетельству Хомякова, сказал: "Надобно меня оставить, я знаю, что должен умереть" [6].

В эти же дни Гоголь делает распоряжения графу Толстому насчет своего крепостного слуги Семена и рассылает деньги "бедным и на свечи". Средства, которые будут выручены от последнего издания его сочинений, он незадолго до этого просил раздать неимущим.

16 февраля, в субботу Гоголя посетил доктор Тарасенков и убеждал его подчиниться указаниям врачей. Гоголь отвечал вяло, но внятно и с полной уверенностью: "Я знаю, врачи добры: они всегда *желают* добра" [7, 23]. При этом ничем не выразил готовности следовать совету Тарасенкова. "Он смотрел как человек, для которого все задачи разрешены, всякое чувство замолкло, всякие слова напрасны..." [7, 22].

В тот же день Гоголь, по свидетельству графа Толстого, приобщился Святых Таин. Древний христианский обычай причащаться в субботу первой седмицы Великого Поста издавна существовал на Руси и связан с празднованием памяти святого великомученика Феодора Тирона.

Граф Толстой стремился употребить все возможное для исцеления больного: просил Московского гражданского губернатора Ивана Васильевича Капниста, которого Гоголь очень любил и уважал, уговорить его послушаться указаний медиков; ездил к святителю Филарету митрополиту Московскому, и рассказал ему об опасной болезни Гоголя. Владыка велел передать, что "сама Церковь повелевает в недугах предаться воле врача" [8, 731]. Но ничего не помогло.

Утром 18 февраля, в понедельник, отец Иоанн Никольский предложил Гоголю собороваться, исповедаться и причаститься. Тот согласился с радостью. Все положенные на соборовании Евангелия он выслушал "в полной памяти, держа в руках свечу, проливая слезы"[9, 48].

Граф Толстой, видя критическое положение, созвал консилиум, который подтвердил диагноз профессора Овера, что у Гоголя менингит, и принял решение лечить его насильно. Врачи действовали следующим образом:

больного сажали в теплую ванну и обливали холодной водой; ставили к носу пиявки, тело обкладывали горчичниками. С Гоголем обращались как "с сумасшедшим", как "с человеком, не владеющим собою". Об этом рассказывает, например, в своих записках доктор Тарасенков.

Насильственное лечение, вероятно, ускорило смерть Гоголя. Последнюю ночь он был уже в беспамятстве. Елизавета Фоминична Вагнер, теща Погодина, на руках которой Гоголь скончался, свидетельствует: "...по-видимому, он не страдал, ночь всю был тих, только дышал тяжело; к утру дыхание сделалось реже и реже, и он как будто уснул..." [10, 536].

21 февраля, в четверг, около восьми утра, Гоголь преставился о Господе. Последними его словами, сказанными в полном сознании, были: "Как сладко умирать!" [4, 445]. Накануне, часу в одиннадцатом, он громко произнес: "Лестницу, поскорее, давай лестницу!.." [7, 27]. Подобные же слова о лестнице сказал перед смертью святитель Тихон Задонский.

Доктор Тарасенков, прибывший через два часа после смерти Гоголя, писал об увиденном: "Нельзя вообразить, чтобы кто-нибудь мог терпеливее его сносить все врачебные пособия, насильно ему навязываемые; лицо умершего выражало не страдание, а спокойствие, ясную мысль, унесенную с собою за гроб"[7, 28].

Сохранилось свидетельство еще одного очевидца последних дней жизни Гоголя, принимавшего непосредственное участие в лечении, – фельдшера А.В.Зайцева, крепостного симбирской помещицы Е.А.Беляковой. Его воспоминания, хранящиеся в Рукописном фонде Литературного музея в Москве, не раз привлекали внимание исследователей. Е.С.Смирнова-Чикина в статье "Легенда о Гоголе" (Октябрь, 1959, № 4) пересказала (с неточностями) их содержание. К ним обращалась и А.Н.Бельшева, процитировавшая несколько строк из них в своей работе "Тайна смерти Гоголя" (Нева, 1967, № 3). Исследователи полагали, что эти воспоминания остались в рукописи, однако они были напечатаны: сначала в "Симбирских Губернских Ведомостях" (1902, 23 марта, № 22) под псевдонимом *Servus Servorum Dei* (Раб рабов Божьих – лат.), а затем частично пересказаны, частично перепечатаны в московской газете "Столичная Молва" (1909, 27 апреля, № 55) под заглавием "Из воспоминаний о Гоголе".

Приводим данные воспоминания по первой публикации.

В 1852 году судьба забросила меня в Москву с больной госпожой моей* Е.А.Беляковой, отправленной из Симбирска, после двухлетнего лечения нашими симбирскими знаменитостями, в Первопрестольную. Иноземцев**, тогдашнее медицинское светило первой величины, осмотрев больную и пожав плечами, сказал (конечно, не при больной), что лечить уже поздно, что больная безнадежна и что здесь медицина бессильна, и отказался от лечения. Но в Москве нашлись тогда еще знаменитости – это Овер*** и Клименков****, и они начали лечение; Овер и Клименков ездили к больной каждый день, ну, словом, они "старались".

Больную я привез в Москву в январе, а в конце августа Овер и Клименков

посоветовали ей ехать в деревню лечиться сельским воздухом, и я увез из Москвы полуживой скелет, с пустой шкатулкой, где больная вскоре и отправилась к праотцам.

В один из визитов врачи нашли нужным припускать больной к известному месту пиявки; это было возложено на меня как на фельдшера, что я и выполнил в присутствии врачей. Благодаря, быть может, этой случайности, я имел возможность видеть дней за пять до смерти нашего великого писателя Гоголя; случилось это по следующим обстоятельствам. Понравились ли мои манипуляции с пиявками около больной моей, или судьбе было угодно, чтобы я увидел Николая Васильевича, – только на другой день, после обычного визита к больной, Овер просил ее, чтобы она позволила мне ехать к одному больному, которому врачи нашли также нужным припустить пиявки. По получении разрешения я отправился на Садовую*****, в дом графини Толстой*****, где в то время жил Гоголь. Когда я явился к больному, – Овер и Клименков были уже там, и мы начали свои "истязания". Как ни сопротивлялся, как ни молил, чуть не со слезами, Гоголь врачей, чтобы они оставили его в покое, но все было напрасно: медикусы и не думали отступить, а делали свое. Когда я припускал к носу Гоголя пиявки, больной стонал, даже кричал, но Овер и Клименков держали его за руки во все время, пока пиявки высасывали кровь, словом, "мы усердствовали" (да простит мне тень великого Гоголя! я не повинен был в крови этого праведника!..). Когда "истязания" окончились, – врачи уехали, я же оставался при больном до прекращения кровотечения.

Спустя некоторое время больной успокоился и спросил меня: кто я? Я в коротких словах передал ему свою незатейливую автобиографию. Будучи им обласкан, я осмелился сказать ему, что читал некоторые из его сочинений и что вообще люблю почитать и даже пробую писать, конечно, для себя, и что у меня написано маленькое стихотворение на смерть моей давно умершей матери. Гоголь просил, чтобы я прочел ему это стихотворение, что я и исполнил на другой же день. Гоголь прочел его и сделал некоторые поправки. Вот эти четыре строчки стихотворения:

...А этой скорби будет много
В печальной жизни сироты,
Но будет мать молить у Бога,
Чтоб нес с терпением ее ты...

Подчеркнув кое-где карандашом, Николай Васильевич со слезами в голосе сказал: "Да, скорби будет очень много"; затем, посмотрев на меня долгим, испытующим взглядом, в глазах его стояли слезы, он тихо промолвил: "Читай больше, друг мой".

Николай Васильевич подарил мне томик своих сочинений*, в котором две повести: "Портрет" и "Невский проспект", и, взявши со стола ермолку, шитую серебряными нитями по голубой шелковой материи, подал ее мне со словами: "Возьми это на память обо мне" и тихо, тихо сказал "прощай" и повернулся к стене лицом; я заметил, что Гоголь плакал. Я вышел от него тоже с глазами, полными слез... На четвертый день я услышал, что Гоголь умер... Ермолку эту я храню, как святыню, а книга, подаренная им, погибла во время

пожара.

На следующий затем день, во время обычного визита, Овер рассказывал при мне больной моей, как они с Клименковым измучились с этим больным Гоголем**.

"О! это сумасшедший какой-то! И этого человека считают многие талантом, а сочинения его превозносят чуть не до небес, в особенности эти его "Умирующие души", – со смехом в голосе сказал Овер.

– "Мертвые души" написал Гоголь, – с затаенной злобой в душе осмелился возразить я Оверу.

– Но это все равно, "умирающий или мертвый душ", – с иронией сказал эскулап.

Считаю не лишним передать здесь виденный мною факт, которого я был невольным свидетелем.

После одного визита к моей больной Овер, проходя со мной по анфиладе комнат, делал мне некоторые наставления относительно больной, и когда мы дошли до передней, доктор, развернув зажатый в правой руке гонорар, вдруг остановился с нахмуренным челом и приказал лакею подать ему стакан воды; лакей подал на подносе требуемое. Овер взял стакан и, сделавши два глотка, бросил на поднос бумажку с заметным неудовольствием, сказав ему: "Это тебе за холодной вода". Лакей подал ему дорогой енот, доктор вышел на крыльцо в сопровождении, сел на пару сытых рысаков, запряженных в дышло, лакей застегнул богатую медвежью полость саней, и лошади быстро умчали его от подъезда...

Я передал, конечно, виденное мною в лакейской больной, причем выяснилось, что она ошибкой дала доктору вместо пятидесяти рублей за визит только десять рублей. Больная страшно перепугалась, боясь, как бы врачи не прекратили своих визитов к ней, и в тот же день я ехал к Оверу с пакетом, в котором вез ему пятьдесят рублей.

Визиты врачей продолжались, как я сказал выше, до конца августа. Мы выехали из Москвы с еле дышащей больной и с пустым кошельком, оставив в Москве только в аптеке и врачам пятнадцать тысяч рублей, – недаром говорят, что Москва деньги любит.

Публикация, вступ. заметка и примечания **Владимира Воропаева**

1. *Шенрок В.И.* Материалы для биографии Гоголя. – Т. 4. – М., 1897.

2. Из письма В.С.Аксаковой к М.И.Гоголь // *Аксаков С.Т.* История моего знакомства с Гоголем. – М., 1960. – С. 219 – 221.

3. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. – СПб., 1913.

4. Письмо С.П.Шевырева М.Н.Синельниковой о последних днях и смерти Гоголя // *Русская Старина*. – 1902. – № 5. – С. 439 – 447.

5. Из воспоминаний княжны В.Н.Репниной о Гоголе // *Русский Архив*. – 1890. – № 10. – С. 227 – 232.

6. <Пометы графа А.П.Толстого, А.С.Хомякова, С.П.Шевырева на статье М.П.Погодина «Кончина Гоголя»> // РГАЛИ. Ф. 373. – Оп. 1. – Ед. хр. 3. – Л. 4.

7. Последние дни жизни Н.В.Гоголя. Записки его современника доктора А.Тарасенкова. Изд. 2-е, доп. – М., 1902.
8. Сочинения и переписка П.А.Плетнева. – Т. 3. – СПб., 1885.
9. <Погодин М.П.> Кончина Гоголя // Москвитянин. – 1852. – № 5. – Отд. VII. – С. 47 – 50.
10. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П.Погодина. – Кн. 11. – СПб., 1897.

Огляди і рецензії

Григорій Киричок

**Гоголь і художнє творення історії
(сучасні інтерпретації)**

Зарецький В.А. Народные исторические предания в творчестве Н.В.Гоголя. История и биографии. Монография. – Екатеринбург; Стерлитамак, 1999. – 463 с.

Сенько І.М. Історія у дзеркалі літератури. – Ужгород, 2000. – 100 с.

Безперечно, про проблему "Гоголь і історія" на сьогодні у сучасному літературознавстві написано досить чимало та й до того ж із різних (часто-густо протилежних і навіть взаємовиключаючих) аналітичних позицій і світоглядних засад. Ні в кого, здається, не викликає сумніву, що відчутним каменем спотикання для численних дослідників постає як концептуальне, так і суто термінологічне наповнення базового поняття "історія", яке розуміється ученими-гуманітаріями то як сукупність описуваних (розказуваних) подій, що відбуваються у минулому (*res gestae*), то як оповідь про минуле (*historia gestarum*). Неважко помітити, що в залежності від обраної в такій ситуації сцієнтичної позиції науковця і буде описуватися онтологічний статус (рівень) історії у художній системі письменника. Нашу увагу якраз привернули різножанрові неординарні праці (монографія і збірка наукових статей), головним змістом яких постає означене питання. Тут цікавить передовсім загальне бачення проблеми художнього історизму Гоголя та пропонувані Валентином Зарецьким і Іваном Сеньком підходи щодо її вирішення.

Якщо не вдаватися у всі тонкощі стосовно згадуваної методологічної дилеми, то виявиться, що кожен із авторів рецензованих книг, щоправда кожен по-своєму, пробує принаймні узлагодити, гармонізувати світоглядне і науково-моделююче протиріччя. З огляду на це суттєвим моментом виявляється застереження чи бо уточнення, що висуває професор із Стерлітамаку, який бачить і розуміє письменницьку історію (відповідно й інтерпретує її у гоголівському контексті) як пошукувану сукупність "біографій" (автожиттеписів) героїв митця. Тобто всезагальне осягається через приватне, суто індивідуальне, окремішне, що певною мірою відчутно ускладнює сам